
Сад Долореса
Ты живёшь моей жизнью. Верни её.
18+
Ю. С. Раф

Ю.С. Раф

Сад Долореса

«Автор»
2026

Раф Ю.

Сад Долореса / Ю. Раф — «Автор», 2026

Долоресу семь лет, и он — идеальное оружие в руках своего отца, безумного инженера-маньяка. Задача мальчика проста: казаться невинным ребенком, находить на улицах города одиноких прохожих и приводить их в болотно-зеленый дом, где в холле цветет пластиковое дерево с человеческими головами. Дол искренне верил, что они очищают мир от лжи. До тех пор, пока последняя жертва не сломала его изнутри. Теперь он снова должен выйти на охоту.

© Раф Ю., 2026
© Автор, 2026

Ю.С. Раф
Сад Долореса

Глава 1

Солнечное утро. Яркий свет нагло пробивался сквозь щели в шторах, но в комнате всё ровно пахло затхлой сыростью и пустотой. Я выучил этот запах, я был там много раз. Обои свисали со стен, сухими лоскутами - точь-в-точь как облезшая кожа после ожога. За стенами нашего дома бурлила чужая, красивая жизнь, но мой мир был другим - тёмным, скрытым ото всех.

За дверью послышался глухой, тяжёлый удар. Отец в мастерской. Значит, пора.

Половицы привычно скрипнули под ногами. Я толкнул дверь в его рабочую комнату.

- Наконец-то поднялся, - мягко произнёс отец, не оборачиваясь.- Возьми тряпку. Нужно обработать урожай.

Я кивнул и послушно забрал инструменты. Моё утро почти всегда начиналось одинаково - с ухода за садом.

В холле, как обычно, стоял морозный холод. Отец говорит, что это лучшая температура для поддержания чистоты наших «плодов». Стены здесь казались почти чёрными. Тут пахло иначе: резкая, бьющая в нос химия смешивалась с дешёвым ароматизатором «лаванда». От этой смеси всегда першило в горле.

Пластиковое дерево росло прямо из центра холла. Высокое, ветвистое. Мне казалось, что почти каждую ночь отец добавляет ему новые ветви. Раньше я не доставал даже до нижних, но теперь подрос. К тому же отец сколотил для меня специальную лестницу, чтобы я мог дотягиваться до самого верха.

Я приставил лестницу к стволу, и искусственные листья испуганно зашуршали.На дереве висело много плодов, но я знал каждое в лицо. Вот то, на самом нижнем ярусе, совсем высохло и сморщилось, став похожим на сухофрукты, но на макушке всё ещё держались рыжие волосы. Оно висело тут столько, сколько я себя помнил. Кожа на нём обтянула кости плотно-плотно, будто пищевая плёнка.

Я бережно протирал мёртвые листья и «яблоки», поднимаясь всё выше. Когда работа была закончена и я уже собирался спускаться, отец окликнул меня снизу:

- Не слезай. Нужно повесить ещё одно.

Он подошёл ближе и протянул мне свежий плод. По сравнению со старыми, этот казался очень тяжёлым. Я перехватил его поудобнее, залез на самый верх и закрепил на ветке.

- Этот красивый, - с улыбкой выдавил я, заглядывая отцу в глаза. Мне так хотелось, чтобы он меня похвалил.

Отец едва заметно дёрнул уголком губ и кивнул.

Этот наш ритуал напоминал мне картинки, которые я подсматривал зимой в окнах чужих домов в городе. Там, в светлом мире, отцы сажали детей на шею, чтобы вместе закрепить большую звезду на верхушке ели. Я не знал, как называется тот праздник, но мы делали почти то же самое дважды в месяц. Только со своим деревом и своими обычаями.

Однажды я рассказал отцу про тех людей со звёздами, но он лишь нахмурился и ответил, что всё это обман. Что те люди врут друг другу, а мы с ним живём в тёмном, зато честном мире.

Прошло несколько дней с момента как мы повесили последнее «яблоко». Отец прибрался в мастерской и сжёг все ненужные вещи. Это был знак, что я скоро я снова пойду в город. От одной мысли об этом сердце начинало стучать быстрее. Мне нравилось подставлять лицо

настоящему солнцу и вдыхать уличный воздух - живой, сладкий, совсем не похожий на наши домашний. Но я заставлял себя помнить слова отца: город - это ложь. Люди там неправильные, и их нужно наказать.

Я лежал в своей комнате и разглядывал темно-изумрудный потолок. Иногда я представлял будто лежу на дне пруда, надо мной плавают хищные рыбы, которые выслеживают друг друга.

Снизу донёсся голос отца:

- Спускайся, Дол.

Внутри всё перевернулось. С одной стороны, мне не терпелось сбежать на волю, подальше от удушливой лаванды. С другой - к горлу подступил липкий, холодный страх. Перед глазами на секунду возникли лица и мне стало трудно дышать.

- Твой костюм висит на заднем дворе, переодевайся, - спокойно произнёс он. - В этот раз выбери кого покрепче, прошлые слишком быстро высохли.

Я молча кивнул.

- Ты ведь помнишь, Дол? - отец, пристально посмотрел на меня.- Не засматривайся на их фальшивые огни. Твоя задача - привести его сюда.

- Я понял, пап... - тихо ответил я.

- Молодец, сын, ты молодец. Ты знаешь нам это важно... Тебе и мне это важно, Дол - спокойно, но строго сказал он - хорошо, беги, малыш.

Я сразу сорвался с места, едва сдерживая прыгающее от волнения сердце. Отец доверял мне эту важную работу уже целых два года, два года наше дерево пополняется почти каждый месяц, а то и дважды. Раньше он делал это сам, но потом сказал, что у него это плохо получается. Что это - моё дело. Что я справляюсь замечательно. Когда он хвалил меня, внутри становилось очень тепло.

Мой выходной костюм всегда ждал на веранде. Папа вешал его туда сразу после очередного «урожая», чтобы одежда пропиталась ветром и не пахла нашей мастерской или формалином. Я быстро натянул голубую чистую рубашку, шорты и начищенные лаковые туфли. Подбежал к отцу:

- Я готов, всё хорошо?

- Да, хорошо - он взял мягкую щётку и причесал меня. - Можешь идти. Сегодня нужно только через 3 квартала. Не заходи в магазины, Дол. Просто выбери того, кто идёт один.

Наш болотно-зеленый дом прятался посреди огромного заросшего поля. Со стороны дороги он казался совершенно заброшенным, неживым. Отец разрешал мне играть только на заднем дворе, а с фасада мы никогда не появлялись. Вот и сейчас я выскользнул через заднюю дверь и пошёл в обход поля, пробираясь сквозь высокую сухую траву -точно так, как меня учили.

Квартал, еще один, поворот налево… И вдруг мир взорвался красками. Улицы были заполнены людьми в ярких одеждах. Дети ели белое мороженое, шумели, смеялись. Глядя на них, я тоже невольно улыбался. Но тут же одёргивал себя, вспоминая тяжёлые слова отца: «Все это обман. Эти люди врут. Они неправильные».

Я дошёл до своего самого любимого и самого запретного места - магазина игрушек мистера Эраста. Из-за разноцветной витрины было отлично видно, как мамы и папы покупали детям плюшевых медведей, кукол и заводные машинки. Дети тянули родителей за рукава, а потом выходили на улицу, растягивая рты в улыбках от уха до уха.

Однажды я всё-таки осмелился зайти внутрь. Я долго стоял перед полками, как заворожённый, пока ко мне не подошёл невысокий дедушка. На его груди висел маленький блестящий бейдж с именем «Эраст». Он не стал меня прогонять. Напротив, он показал мне, как работают механические игрушки - повернул ключик, и железный автомобильчик сам покатился по столу. Но когда я тогда вышел из лавки, в груди поселилась странная, горькая пустота. Мне

было больно смотреть на этих счастливых детей и добрую улыбку мистера Эраста, ведь у меня ничего этого не было. С тех пор я только смотрел сквозь стекло. Иногда мистер Эраст замечал меня, мягко махал рукой и улыбался. В такие моменты я сразу убегал - слишком сильно жгло где-то под рёбрами.

Я свернул в глубь кварталов, ища тихие улицы. Мне нужен был кто-то один. Там, где нет свидетелей.

Я долго плутал, пока не наткнулся на узкий, глухой проулок. Солнце сюда почти не проникало, пахло пылью, и от лёгкого сквозняка становилось зябко. Идеальное место. На железной пожарной лестнице сидел парень. Подросток, старше меня лет на десять. Он громко чавкал жвачкой и лениво катал ногой взад-вперед скейтборд.

Я сделал глубокий вдох, опустил плечи, напустил на лицо самое несчастное выражение, на какое был способен, и сделал шаг вперёд.

- Извините… - тихо шмыгнул я носом.

- Чего тебе, малец? - недовольно буркнул парень, не переставая жевать.

- Помогите мне, пожалуйста… Пожалуйста.

- Ты чего? Потерялся, что ли?

- Нет… мой щенок. Мы играли с ним там, на окраине, и он удрал в густую траву. Я боюсь идти туда один, там темно… А родители меня убьют, если я вернусь без него. Пожалуйста…

Я потёр глаза кулаком, искусно выдавливая скупую слезу. За два года я научился плакать в любую секунду. Парень вздохнул, с грохотом опустил скейт на асфальт.

- Ладно, пошли. Не хнычь, вытащим твоего пса.

Он подошёл и коротко, по-дружески потрепал меня по макушке, взъерошив уложенные отцом волосы. От этого простого жеста внутри у меня что-то испуганно ёкнуло.

- Показывай дорогу, - сказал он.

Он спрятал скейт под лестницу, и я повёл его за собой. Парень был огромным - выше меня на четыре головы. У него были светлые волосы и ясные голубые глаза. На мгновение мне стало не по себе, но в ушах тут же зазвучал строгий голос папы. Ложь. Вокруг одна ложь. Я старался думать о технической стороне дела: интересно, на какую ветку пластикового дерева отец решит его повесить? На верхнюю или пониже?

Всю дорогу парень пытался меня расшевелить, рассказывал какие-то глупые истории, чтобы я не боялся. Я послушно кивал, иногда забывая шмыгать носом.

Наконец мы вышли к полю. Я свернул натоптанной тропинкой в обход, чтобы нас никто не увидел с главной дороги. И чем ближе мы подходили к болтно-зелёным стенам, тем сильнее тяжелели мои ноги. Я вдруг поймал себя на мысли, что мне совсем не хочется возвращаться в холодный холл. И что в следующий раз тёплые лучи солнца согреют мой затылок очень, очень не скоро.

- Ну, малец, и где твой пес? Покричи его.

- Может, он убежал к тому дому? - я с жалостью посмотрел на него, затравленно оглядываясь по сторонам. - Давай посмотрим там, пожалуйста…

- А как зовут-то его?

- Э-э… Арчи. Арчи-и-и! - тут же закричал я.

Парень добродушно присоединился к моему крику, его басовитый голос разнёсся по полю.

- Ладно, пошли к дому. Наверное, нашёл какую-нибудь кость и забился под крыльцо.

Мы подошли к заднему двору. Парень продолжал звать несуществующего щенка, и я кричал вместе с ним. В глубине души мне до слез хотелось, чтобы из травы действительно выскочил пушистый ком. Чтобы я мог подхватить его на руки и пойти домой - в настоящий, светлый дом, как у тех детей из города… Я больно прикусил язык, прогоняя эти мысли. Все это ложь. Вокруг одна ложь. Папа прав.

В окне второго этажа на секунду мелькнул силуэт отца. Он коротко кивнул. Готов. Ждет.

- Вон он! Он в доме, я видел его в щель! Бежим скорее! - я рванулся к двери, дёрнул тяжёлое кольцо и притворился, что мне не хватает сил. - Помоги, она застряла!

Парень подбежал, схватился за ручку и с силой потянул дверь на себя. В нос тут же ударил густой, удушливый запах сырости и лаванды. Мой дом. Подросток озадаченно заглянул в полумрак холла.

- Эй, Арчи… Иди сюда, малыш. Где он тут?

- Он внутри, в самом конце, достань его, пожалуйста, ну пожалуйста! - взмолился я, подталкивая его в спину.

Парень сделал шаг через порог, и я скользнул следом. В ту же секунду дверь за нашими спинами оглушительно захлопнулась. Лязгнул тяжёлый засов.

- Что… Что за черт? Мужик, ты кто? - Парень испуганно завертел головой, переводя дикий взгляд с внезапно выросшего перед ним отца на меня. - М-малец? Ты чего?

Он был в ужасе. Я хорошо знал это чувство. Мне казалось, за два года я научился различать запах страха на вкус - сейчас холл пах именно им, острым и металлическим. Парень начал пятиться, его кеды шумно шаркали по доскам. Отец молча, монолитно наступал на него.

Я замер у стены, не в силах пошевелиться. В последний раз я встретился взглядом с его круглыми от паники голубыми глазами. Мне снова стало невыносимо жаль его. Я резко опустил голову, уставившись на носки своих лаковых ботинок. Нельзя жалеть. Они все врут. Они плохие.

Спиной парень наткнулся на массивный ствол в центре холла. Он судорожно обернулся, пытаясь нащупать опору, и задрал голову вверх. Прямо над ним висели десятки сморщенных, серых «яблок» с остатками человеческих волос. Парень оцепенел, не способный вымолвить ни звука.

Отец не медлил. Его сильные, пропахшие формалином руки взметнулись вверх. Лязгнул скрытый инженерный механизм под потолком, взвизгнул тугой трос. Парень резко взлетел вверх, повиснув напротив ветвей. Его ноги и руки неестественно, судорожно задёргались. Он захрипел - в этот раз удивительно громко и долго. Его пальцы слепо цеплялись за пластиковые листья, и этот сухой, яростный шорох особо остро резал мне слух. Обычно все заканчивалось за пару минут, но сейчас мне казалось, что прошла целая вечность.

Когда все стихло, отец тяжело выдохнул и повернулся ко мне.

- Молодец, Долорес. Ты большой молодец, мой мальчик, - его ладонь опустилась на мое плечо, но внутри эта похвала больше не зажгла привычной радости. Там было пусто. - Иди, сын. Поешь.

Я молча кивнул и побрёл на тёмную кухню.

Всего полчаса назад я был в ярком, живом мире, а теперь снова очутился в своей тёмно-зелёной реальности. На деревянном столе меня уже ждала тарелка с густой серой кашей и банка мутных солёных огурцов. Я сел на стул. Достал из кармана обрывок цветной газеты, аккуратно подложил его под тарелку вместо салфетки, а по бокам разложил ложку и тупой нож. Я не знал, зачем это нужно, но видел сквозь витрины городских кафе, что люди делают именно так.

Каша была безвкусной, тягучей и совершенно холодной. В городе дети ели пышные блинчики с янтарным сиропом и разноцветное мороженое… Я не знал их вкуса, но помнил сладкий запах, доносившийся из дверей кондитерской. Закрыв глаза и зажав нос пальцами, я впихнул в себя первую ложку, мысленно представляя, что жую то самое мороженое. Ммм… Вот бы хоть раз попробовать.

В нашем доме только крупы и консервы, которые, казалось, пылились в подвале целую тысячу лет. Иногда отец выкапывал мелкую картошку на заднем дворе - это были лучшие дни. Картошка была моим самым любимым блюдом.

Я уныло скрёб ложкой по дну, пытаясь заставить себя проглотить ещё хоть немного. Из холла доносился тяжёлый грохот и протяжный скрип половиц. Это отец снимал парня с троса. Затем послышался глухой звук волочения - тело тащили по коридору в сторону закрытой мастерской. Внутри меня впервые зародилось странное, всеобъемлющее чувство. Оно стальными обручами стягивало грудную клетку, не давая дышать. Наверное, поэтому каша не лезла в горло.

- Чего не ешь? - Отец бесшумно вырос в дверном проёме.

Как давно он тут стоит? Вдруг он догадался, о чем я думаю? Вдруг накажет за то, что я снова вспоминаю запретный город?

- Я… я просто выпил много воды на улице, - соврал я, сжимая ложку. - Там было очень жарко. Пришлось много ходить.

- Ты молодец, сынок. Ты совершил благое дело. Но для нашей миссии нам нужны силы, Дол, - спокойно и веско произнёс отец.

- Я знаю, знаю… - почти под нос пробормотал я.

Отец достал из ящика длинный разделочный нож, подхватил старое ведро и развернулся, собираясь уйти к своему новому трофею. Но что-то внутри меня оборвалось.

- Пап… - тихо позвал я.

- Что? - он остановился, не оборачиваясь.

- А мы с тобой… мы когда-нибудь раньше были в городе вместе? Ну, до того, как поселились здесь? Может быть, мы гуляли в парке? - Я затаил дыхание, глядя ему прямо в спину.

Отец медленно повернул голову. Его глаза за стёклами очков казались огромными и холодными.

- Долорес… ты ведь сам все знаешь.

- Ну...

- Долорес! - голос отца прозвучал резче обычного.

- Да, пап, - я поспешно опустил глаза, уставившись в тарелку с серой жижей.

- Ты должен помнить: всё там построено на лжи. Люди вгрызаются друг другу в глотки. Они жестоки. Они обязательно обманут. Тот мир насквозь прогнил. Но здесь у тебя есть дом. У тебя есть я. У тебя есть наше дерево. Мы живем, чтобы очищать эту землю… Ты ведь понимаешь меня, сын?

- Да, пап…

- Долорес, посмотри на меня.

Я послушно поднял голову.

- Ты не должен грустить по ним. Не смей жалеть этих людей. У нас есть великая миссия, помнишь? - я покорно кивнул. - Дол, когда меня не станет, ты продолжишь моё дело.

- Куда не станет, пап?

Холодная пустота в груди разрослась до невероятных размеров. Отцовские слова прозвучали как приговор. В этой вселенной у меня был только он, папа был нужен мне сильнее всего на свете. В ту секунду я впервые ощутил настоящий, липкий страх. Наверное, точно такой же страх испытывали те люди из города, когда за их спинами оглушительно захлопывалась наша входная дверь.

- Нам не нужно говорить об этом сейчас. Ты всё поймёшь, когда придёт время, - отрезал отец. Он развернулся и пошёл по коридору. - Когда придёт время, ты всё поймёшь.

Я услышал, как тяжело скрипнула и закрылась дверь мастерской. Отец ушёл работать над новым «яблоком». Кое-как, зажимая нос рукой, я запихал в себя остатки безвкусной каши и сбежал к себе наверх.

В своей болотно-зеленой комнате я привычно улёгся на кровать и уставился в потолок. Я снова пытался представить рыб в изумрудном пруду. Только теперь мне хотелось думать, что они не охотятся друг на друга. Может, они просто общаются? Может быть, рыбы умеют дружить и играть?

Я не заметил, как провалился в тяжёлый сон. А проснулся от того, что мне снились глаза. Те самые ясные, голубые глаза нашей последней жертвы. Грудную клетку сдавило так, что стало больно.

Я соскочил с кровати и рванул в сторону плотные шторы. В комнату хлынул бледный лунный свет. Я редко видел луну: обычно ночами усталость просто сбивала меня с ног, и я спал без задних чувств. Но лица мертвецов мне никогда раньше не снились. Почему же этот парень со скейтом пришёл ко мне во сне?

Я долго стоял у стекла, наблюдая, как ветер лениво колышет высокую сухую траву вокруг дома. Дышать по-прежнему было трудно. «Отец уже спит», - промелькнуло в голове. Может, если я выйду на улицу и глотну настоящего ночного воздуха, этот стальной обруч в груди наконец разожмётся?

Эта навязчивая мысль мучила меня около часа. Я заворожённо смотрел в темноту, не решаясь сделать шаг. Наконец я пересилил себя и тихонько двинулся к двери. Половицы предательски поскрипывали под носками. Нужно было идти очень, очень тихо. Наш дом всегда шумел от каждого вздоха - он казался мне живым существом. Я панически боялся, что стены выследят меня и нашепчут отцу, что я брожу по коридорам посреди ночи.

Я уже почти спустился к веранде заднего двора, как вдруг резко остановился. И поменял направление. Раз уж папа крепко спит, почему бы не выйти через главный вход? Ночью на улице никого нет. Нас никто не увидит. А мне так хотелось посмотреть на дом с той стороны, откуда приходят жертвы.

Входная дверь тяжело, протяжно застонала. Я замер на пороге, испуганно сжимаясь и ожидая, что из темноты вот-вот выскочит разъярённый отец. Но в глубине дома было тихо.

Я осторожно спустился по деревянным ступеням крыльца. Мягкая прохлада ночи мгновенно окутала меня, словно тонкое, свежее одеяло. Это было невероятно приятно. Я и не знал, что темнота может быть такой ласковой. Вокруг отчётливо звенели голоса каких-то ночных

птиц, лунный свет казался почти таким же осязаемым, как солнечный, а влажная трава щекотала босые пальцы ног.

Стальной обруч в моей груди лопнул. Дышать стало легко. Нет, я не забыл те испуганные голубые глаза, которые заставили меня проснуться. Теперь я был даже благодарен им за то, что они выгнали меня из душного холла. Я оказался здесь, с парадного входа… В самый первый раз в жизни.

Вдалеке, у самого горизонта, что-то ярко искрилось. Там, в стороне запретного города, горели тысячи маленьких разноцветных огоньков. Мне до безумия хотелось сорваться с места и побежать туда, чтобы рассмотреть их поближе. Я закрыл глаза, жадно вдыхая свободу и представляя, как выглядит этот сияющий ночной мир. Я расправил руки, будто крылья, и просто дышал. Вдох… Выдох… Вдох…

- Долорес! Что ты творишь?! - раздался яростный, оглушительный крик.

Отец стоял на крыльце, и его лицо выглядело по-настоящему страшным. Брови изломались под диким, неестественным углом, губы побелели. Я застыл на месте, парализованный новой волной ужаса.

- Долорес, марш в дом! Живо! - сорвался он на хриплый визг. Из его рта летели брызги слюны, и мне казалось, что его ярость долетает прямо до моих глаз.

Эти крики больно резали уши. В груди снова всё мгновенно стянуло, перекрывая кислород. Я сломя голову бросился обратно по ступеням.

-П-п-прости, пап… Пожалуйста, прости! - слезы градом покатились по щекам, руки крупно, неудержимо затряслись. Я никогда в жизни не видел отца в таком бешенстве.

Папа с грохотом захлопнул дверь и задвинул засов.

- Отвечай! Что ты там делал?!

Я судорожно хватал ртом воздух, не зная, что соврать. Слезы заливали лицо, колени подкашивались и бились друг об друга. Я забился в угол холла и молчал.

- Долорес! Что. Ты. Там. Делал? - Отец чеканил каждое слово, и его вопли невыносимо били по перепонкам.

Молчать дальше было смертельно опасно.

- Я… мне просто стало трудно дышать, - взмолился я, захлёбываясь слезами. - Я вышел только подышать… Папочка, пожалуйста!..

Последнее слово прозвучало как жалкий скулёж. Мне до боли хотелось отмотать время назад, остаться в своей комнате и покорно смотреть на изумрудный потолок…

- Почему трудно дышать? Хочешь, скажу почему? - Отец шагнул ко мне, и его тень накрыла меня целиком. - Ты становишься таким же лживым, как те, за стенами. Ты жалеешь тех, кто никогда не пожалеет нас! Тебе жалко этого парня?

Отец выждал мучительную паузу. Я молчал, вжавшись в угол.

- Ответь честно, Долорес. Я твой отец, я должен знать.

- Пап, нет! Прости меня, я никогда больше так не сделаю! Хватит, папочка…

Я не выдержал, сорвался с места и бросился к нему, отчаянно надеясь на спасение. С разбегу уткнулся в его колени, крепко обнял за ноги, и мой беззвучный плач перерос в истерические рыдания. Ну же, папа, обними меня, просто обними, - колотилось в мыслях. Но отец лишь холодно отступил на шаг, заставив мои руки соскользнуть.

- Долорес, я не могу оставить это просто так. Тебе придется усвоить урок.

Он грубо перехватил меня за шиворот рубашки и потащил по темному коридору к мастерской. Мы остановились у массивной запертой двери.

- Жди здесь.

Я замер, послушно выполняя приказ. Из-за закрытой двери донеслись странные звуки: сначала глухие, тяжёлые удары, затем резкий, отчётливый скрежет металла. Через минуту отец вышел. Его руки были спрятаны за спиной.

- Иди в холл, к дереву.

Я поплелся вперед. Ночью наш дом казался ещё темнее и враждебнее, чем днём. И пластиковое дерево в центре холла теперь выглядело по-настоящему пугающим. Его чёрные ветви, похожие на костлявые длинные пальцы, тянулись во все стороны, заполняя собой пространство. При свете солнца я никогда этого не замечал.

- Дол, ты будешь сидеть здесь до самого утра.

- Хорошо, папа, я буду, - я был согласен на всё, лишь бы он перестал смотреть на меня этим ледяным, чужим взглядом.

- Садись.

Я послушно опустился на холодный пол.

- Держи. - Отец резко протянул руки вперёд.

На мои колени упала свежая голова. Голова того самого красивого, голубоглазого парня. Но сейчас его лицо выглядело чудовищно. Глаза были полуоткрыты, рот застыл в беззвучном крике безысходности. Это был не умиротворённый «плод», к которым я привык. Обычно отец долго трудился над ними в мастерской, очищал, прятал срезы под аккуратными бежевыми мешочками, делая их похожими на диковинные сувениры. Но сейчас это был сырой, страшный полуфабрикат, испачканный липкой тёмной влагой.

Отец держал его за русые волосы.

- Держи, Долорес!

Я оцепенел, не решаясь протянуть руки. Раньше я делал это десятки раз, но этот парень был другим. Он был настоящим.

- Держи!!! - прикрикнул отец, и его голос эхом разнёсся по морозному холлу.

Я судорожно вытянул руки, и отец переложил тяжелую ношу на меня. Я сразу же уткнулся взглядом в пол, не в силах смотреть.

- Нет, Дол. Смотри на него. Смотри ему в глаза.

Отец развернулся и ушёл, оставив меня в кромешной тьме.

Я сидел, содрогаясь от озноба, и против своей воли медленно развернул лицо парня к себе. В полумраке я принялся всматриваться в его едва заметные, остекленевшие зрачки. Я не знаю, сколько часов прошло. Час, два, вечность… Но постепенно мне начало казаться, что лицо оживает. Будто подросток смотрит на меня в ответ - с немым укором.

Мне снова стало невыносимо жаль его. Впервые за всё время я поймал себя на мысли: а кем он был? Как его зовут? Почему я не спросил его имя там, в переулке?

Ещё через какое-то время я поймал себя на том, что мысленно прошу у него прощения. Может, мне не стоило подходить именно к нему? Я крепко зажмурился, пытаясь заглушить эти мысли, судорожно повторяя про себя отцовские наставления: «Они лживые, они плохие, мир нужно очистить». Но перед глазами упрямо вставала одна и та же картина: парень сидит на пожарной лестнице, шумно жуёт жвачку и лениво качает ногой скейтборд. Там, в глухом городском переулке, под железными ступенями всё ещё стоит его скейт. Но за ним больше никто и никогда не придёт.

Мои глаза снова стали мокрыми. Но теперь это был не страх перед отцом. Я не знал, что это за чувство, просто стальной обруч в груди сжался с такой силой, что изнутри вырвался тихий всхлип.

- Дол… - негромко позвал отец.

Я вздрогнул и поднял опухшие глаза. Холл уже был залит бледным утренним солнцем. Я даже не заметил, как наступил рассвет.

- Дол, ты можешь идти к себе.

Отец протянул руку, чтобы забрать трофей, но мои пальцы за долгую ночь словно окаменели, намертво вцепившись в русые волосы.

- Отпусти его, - повторил папа и потянул голову на себя.

Я разжал онемевшие пальцы.

- Вставай и иди в комнату.

Я попытался подняться, но колени были мягкими, как вата, и совершенно не слушались.

- Я надеюсь, ты хорошо усвоил этот урок? - тихо спросил отец мне в спину.

- Да, пап… - обессилено прошептал я.

Я плохо помню, как дополз до своей комнаты и как повалился на кровать. Но едва моя щека коснулась шершавой подушки, веки налились свинцовой тяжестью. Засыпая, я зачем-то попытался закатить глаза - точно так же, как это сделал той ночью парень со скейтом.